ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ
ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ.
НОЧЬ РЕШАЮЩЕГО ВЫБОРА
АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Хроники забытых фонарей. Ночь решающего выбора

Серия «Хроники забытых фонарей», книга 4

https://litres.ru/74680237
SelfPub; 2026

Аннотация

Новая запись в архивной системе Северограда заставляет Асю Лесину усомниться в подлинности старого документа. Ночью кто-то изменил сведения, а затем попытался получить удалённый доступ к электронной таблице. Никита хочет немедленно назвать виновного, но Ася настаивает на проверке каждой улики. На фоне расследования им предстоит договориться о собственных границах: любовь не даёт права решать за другого человека.

Алёна Северина
Хроники забытых фонарей. Ночь решающего выбора

Глава 1. Наследство или письмо

В Северограде темнело рано, хотя до настоящих морозов оставалась ещё неделя. Сумерки ложились на крыши мокрым пеплом, фонари зажигались один за другим — неохотно, будто каждый сперва проверял, помнят ли его здесь.

Ася Лесина успела снять перчатки и разложить на кухонном столе документы, когда в дверь постучали. Не позвонили — постучали, трижды, с паузой перед последним ударом.

Она посмотрела на часы. Без четверти семь. Визит без предупреждения, в такой час, редко приносил новости, которые можно было спокойно дочитать за чаем.

За дверью стоял Никита Северин. Снеговая крупа осела на его плечах и растаяла у воротника. В руках он держал плоскую коробку, обмотанную бечёвкой. Бумага на углах потемнела, будто коробку долго хранили не в шкафу, а возле печи.

— Ты обещал, что не будешь приносить мне чужие дела без объяснений, — сказала Ася.

— Обещал, — ответил Никита. — Поэтому сначала объясню.

Она отступила, пропуская его внутрь.

На кухне он не стал садиться. Положил коробку на стол, рядом с раскрытой папкой, и отодвинул стул, чтобы не задеть стопку выписок.

— Это нашли у нотариуса Берестова, — сказал он. — В его закрытом архиве. Сегодня утром.

— Нашли или передали?

— Нашли. На полке, которой не было в описи.

Ася не потянулась к бечёвке. Сначала посмотрела на коробку со всех сторон. На крышке виднелся след от старой круглой печати, но сама печать была сломана и исчезла. Остался только вдавленный в картон круг, перечёркнутый тонкой трещиной.

— А нотариус?

— Берестов жив. Но сегодня он не смог остаться на работе.

Никита сказал это ровно, но сжал пальцы на спинке стула. Ася заметила и посмотрела ему в лицо.

— Что значит «не смог»?

— Вчера вечером он подписал бумаги о передаче архива. Сегодня утром обнаружил, что из него пропал один договор. После этого он упал в конторе и рассёк висок. Сейчас дома, с врачом. Ничего опасного, насколько известно.

— Какой договор?

— Тот, который должен был быть в коробке.

Ася провела пальцем по краю папки. В её работе бумага

всегда начиналась с простого вопроса: кто её составил, когда, для чего и почему именно сейчас она оказалась у тебя на столе. Магия, если верить семейным записям, умела усложнить ответ, но не отменяла самих вопросов.

— Ты уже открыл коробку?

— Нет.

— Почему?

— Потому что на дне лежит записка с твоим именем.

Никита достал из кармана сложенный лист. Не протянул сразу — придержал двумя пальцами за край.

— Я не знаю, кто её положил. И не знаю, имеет ли она отношение к пропаже.

— А к тому, что ты принёс коробку именно ко мне?

— Имеет. Я решил, что ты должна увидеть её прежде, чем кто-нибудь решит за тебя, что она означает.

В этом ответе было что-то правильное и что-то уклончивое. Ася подняла на него глаза.

— Ты сам решил, что мне надо вмешаться.

— Да.

— И всё же говоришь про чужие решения.

— Я говорю про то, что успел сделать неправильно, пока решал, как поступить правильно.

Она не стала спрашивать, что именно он имел в виду. Пока не стала.

Ася взяла записку. На листе, вырванном из старого блокнота, было написано её имя и адрес. Почерк она не узнала.

Ниже стояло одно предложение: «Не отдавайте согласие за тех, кого хотите защитить».

Слова не дрогнули, чернила не расплылись. Только под последней строкой проступил бледный прямоугольник, будто лист долго лежал поверх другой бумаги.

— Это не нотариальная запись, — сказала Ася. — И не угроза.

— Ты уверена?

— Нет. Но я знаю, чем они не являются.

Она перевернула записку, проверила оборот, затем поднесла к свету. На просвет обнаружились два прокола у левого края, одинакового расстояния. Лист прежде был сшит с другими.

— Берестов знал, что коробка у него?

— Знал. По его словам, она появилась в архиве около месяца назад. Он не вскрывал её, потому что на ней была печать семейного хранения.

— Чья?

Никита помедлил.

— Северинских.

Ася посмотрела на сломанный круг.

— А ты не сказал этого сразу.

— Я хотел сначала понять, не подделка ли это.

— И понял?

— Нет.

Его честность прозвучала не как оправдание. Скорее как

признание долга, который он пока не умел выплатить.

Ася сняла с ящика письменного стола тонкую металлическую линейку и просунула её под бечёвку. Узел поддался с хрустом. Она отложила верёвку, сняла крышку.

Внутри лежало письмо, запечатанное тёмно-зелёным сургучом, два листа с оттисками печатей и небольшой предмет, завёрнутый в пожелтевшую ткань. На первый взгляд — обыкновенный латунный ключ, короткий, без бородки. Такие продавали в хозяйственных лавках для старых шкафчиков.

Ася развернула ткань. На ключе не было ни номера, ни клейма. Только у кольца, почти скрытая зелёной патиной, шла тонкая насечка: семь черточек и одна перечёркнутая.

— Что это открывает? — спросил Никита.

— Пока ничего. Пока это ключ, который мы нашли.

Под ним обнаружился лист с заголовком: «Хроники забытых фонарей. Ночь решающего выбора». Ася узнала название не потому, что слышала его прежде, а потому, что оно было написано на обложке старой семейной папки в их архиве. Той самой, где перечислялись договоры, действовавшие лишь при добровольном согласии сторон.

Она вынула лист. На нём стояли имена, даты и отметки о трёх печатях. Последняя строка обрывалась на середине фразы.

— Это реестр, — сказала она. — Здесь перечислены предметы, приложенные к договору.

— Ключ?

— Нет. Он записан отдельно. Как вещь, которая не принадлежит ни одной стороне.

Ася провела взглядом по строкам. В нижней части страницы, рядом с датой позавчерашнего дня, чернила были свежими. Там значилось: «Письмо К. Севериной — отсутствует».

Никита приблизился к столу.

— Кто такая К. Северина?

— Не знаю. Но письмо было в коробке, когда её опечатывали. Теперь его нет.

В кухне стало слышно, как за окном по карнизу стучит ледяная крупа.

Ася посмотрела на сломанный круг на крышке, на пустое место между листами, потом на Никиту.

— Значит, пропажа произошла не сегодня утром.

Он не ответил сразу.

— Берестов сказал, что коробку не открывал.

— Тогда кто-то вскрыл её раньше, забрал письмо и запечатал обратно. А сегодня Берестов обнаружил следы — и пострадал первым.

Она не произнесла это как обвинение. Пока у неё не было доказательств, обвинение было бы таким же способом решать за другого, как тот, о ком предупреждала записка.

Ася вынула из папки чистый лист и записала время, место и имена. Потом отдельно отметила: «Проверить опись архи-

ва. Установить, кто имел доступ к печати».

— Я поеду к Берестову, — сказала она.

— Сейчас?

— Сейчас он дома, под присмотром врача. Если ждать до завтра, кто-нибудь успеет убрать то, что ещё осталось.

— Я поеду с тобой.

— Нет. Ты сначала ответишь на вопрос, почему печать Северинских оказалась у нотариуса.

Никита посмотрел на ключ.

— Я не знаю.

— Тогда начнём с этого.

Ася закрыла коробку, но не стала снова завязывать бечёвку. На столе остались письмо с целой печатью, реестр с пустой строкой и ключ, который выглядел слишком обычным, чтобы быть случайным. Она вложила записку с предупреждением в папку и защёлкнула застёжку.

За дверью уже сгущалась ночь, а на подоконнике дрожал свет уличного фонаря. На этот раз Ася не стала зажигать лампу, пока не записала последнее: «Найти К. Северину. Выяснить, кто забрал её письмо и зачем».

Ася убрала бумаги во внутренний карман пальто, а коробку оставила на столе. Уносить её к Берестову было нельзя: если кто-то следил за домом, исчезновение коробки только подтвердило бы, что они нашли важное. Она проверила замок на входной двери, затем взяла со спинки стула шарф.

Никита не двинулся с места.

— Ты правда считаешь, что я могу иметь к этому отношение?

— Я считаю, что печать оказалась у нотариуса. И что ты пока не объяснил как.

— Я сказал: не знаю.

— Это ответ на другой вопрос.

Он опустил взгляд на собственные руки. На правом указательном пальце темнела полоска чернил — то ли от реестра, то ли от письма. Ася заметила, но промолчала. Сейчас она не собиралась строить обвинение на пятне, которое могло появиться от чего угодно.

— Я встречусь с тобой у Берестова, — сказал он наконец. — Не войду, пока ты не разрешишь.

— Если он захочет говорить со мной один, ты уйдёшь.

— Хорошо.

— И ничего не будешь ему подсказывать.

— Хорошо, Ася.

В его голосе не было обиды, но от этого согласие не стало легче. Она хотела бы не проверять, способен ли Никита соблюдать простую границу. Хотела бы хотя бы на несколько минут снова видеть в нём человека, которому не нужно задавать уточняющие вопросы. Но доверие, однажды надломленное, не восстанавливалось оттого, что кому-то хотелось поскорее закончить неприятный разговор.

На лестнице пахло сырым деревом и угольным дымом. У входа Ася остановилась, застегнула пальто до горла и огляну-

лась. Никита спускался следом, держась на расстоянии, как обещал.

— Ты всё-таки поедешь, — сказала она.

— Да.

— Я не просила.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что коробка касается моей семьи. А Берестов пострадал из-за того, что кто-то решил распорядиться чужим согласием. Я не хочу оставаться дома и делать вид, что это не моё дело.

Ася посмотрела на него, пытаясь отделить ответ от привычного желания ему поверить. Отделить не получилось. Это не значило, что следовало отступить.

— До дверей, — сказала она. — Дальше решит Берестов.

Они вышли в морозную темноту. Фонарь на углу горел вполсилы: стекло затянуло инеем, и свет казался мутным, словно его пропустили через старую воду. Ася направилась к остановке, не беря Никиту под руку. Он не предложил.

Дом Берестова стоял в тихом переулке за нотариальной конторой. В окнах первого этажа горел свет. На двери висела аккуратная табличка с часами приёма, хотя приём давно закончился. Ася позвонила. За дверью послышался медленный шаг, затем щёлкнул замок.

Открыл не сам Берестов, а седая женщина в тёплой кофте.

— Вы из архива? — спросила она, узнав Асю. — Он вас

ждёт. Доктор разрешил недолго, только без волнений.

— Я постараюсь.

Женщина заметила Никиту.

— А он?

— Я подожду снаружи, — сказал он раньше, чем Ася успела ответить.

Берестов лежал в комнате у окна, подложив под спину две подушки. На лбу у него белела повязка, а рядом с кроватью стоял стакан воды. Он выглядел уставшим и раздражённым — и от того, и от другого не было ни малейшего повода скрывать взгляд.

— Вы пришли из-за коробки, — сказал он.

— Да. И потому что ваше имя оказалось первым среди тех, кто пострадал.

— Звучит так, будто я должен быть благодарен.

— Не должны. Я хочу понять, что случилось, и не буду записывать ваши слова как признание или обвинение без вашего согласия.

Берестов коротко усмехнулся.

— Хорошая формулировка. У вас в архиве теперь так разговаривают?

— Я так разговариваю.

Он отвёл глаза к окну. За стеклом снег шёл боком, хлестал по тёмному подоконнику.

— Коробку мне передали для проверки, — сказал он. — Не для вскрытия. Я сверял опись, печати и состояние зам-

ков. Крышка была закрыта. По крайней мере, я думал, что закрыта.

— Когда вы заметили повреждение?

— Вчера вечером. У нотариуса. На круге была тонкая трещина, но сургуч не осыпался. Я решил, что он старый. Потом увидел, что один из листов лежит не так, как в описи. Хотел закончить проверку утром.

— Почему не сообщили сразу?

— Потому что не хотел поднимать тревогу, пока не удостоверюсь. А ещё потому, что когда-то уже ошибся в такой проверке.

Он замолчал, и Ася не стала заполнять паузу вопросом.

— Утром я открыл коробку, — продолжил Берестов. — Нашёл реестр. Письма не было. Я коснулся печати и почувствовал жар. Дальше помню уже пол.

— Вы касались её голой рукой?

— Да. Глупо, знаю. Но я не думал, что договор ещё действует.

— Доктор сказал, что ожог поверхностный?

— Сказал, что мне повезло. Не знаю, какое отношение это имеет к договору, но рука до сих пор не слушается.

Ася посмотрела на его пальцы. Левая ладонь лежала поверх одеяла, правая была перевязана. Прямых доказательств связи между ожогом и магией у неё не было, и она не собиралась выдавать догадку за установленный факт.

— Кто ещё имел доступ к коробке?

— Кроме меня — хозяйка конторы, госпожа Руднева. Она приняла её по акту. Потом отдала мне. В архиве её касались вы и ваш сотрудник, когда составляли опись.

— Никита Северин?

Берестов не сразу ответил.

— Нет. Он принёс документы в контору позавчера, но к коробке не подходил. Я видел.

В коридоре скрипнула половица. Берестов бросил взгляд на дверь.

— Это он ждёт?

— Да.

— Он тоже пришёл смотреть, кто соврёт первым?

— Он пришёл потому, что печать его семьи оказалась у нотариуса. Я попросила его не вмешиваться в разговор.

— Удивительно разумно.

— Я не обещала, что он мне нравится во всём.

Берестов посмотрел на неё внимательнее, затем хмыкнул, но спорить не стал. Ася достала листок с записями, не разворачивая его перед ним.

— Вы видели письмо К. Севериной?

— Нет.

— Знаете, кто это?

— Знаю, что буква «К» в старых бумагах могла означать и имя, и род. Северина — фамилия, но таких записей у нас несколько. Вы не найдёте человека, пока не сверите даты.

— Это можно сделать по описям?

— Можно. В нотариальной конторе должны храниться приложения к старым договорам. Если их не убрали.

Он произнёс последние слова с нажимом.

— Вы подозреваете госпожу Рудневу?

— Я подозреваю всех, кто мог открыть коробку. Это не одно и то же.

Ася записала имя Рудневой и время передачи коробки, как его назвал Берестов. Она попросила показать акт приёма. Тот лежал в папке на тумбочке — подписанный двумя сторонами, с датой и отметкой о целой печати. Подпись Берестова шла рядом с подписью Рудневой. Ася внимательно изучила запись, затем попросила хозяйку дома подтвердить, когда коробка появилась у них. Женщина назвала тот же вечер, что и Берестов.

Кто-то вскрыл её до передачи. Но пока у Аси не было ни списка всех ключей, ни доказательства, что печать повредили именно тогда, ни имени человека, который забрал письмо.

Она сложила акт обратно.

— Я не могу обещать, что быстро найду ответ, — сказала она. — Но теперь вы не единственный, кто знает о пропаже.

— Не разносите это по городу.

— Не буду.

— И не позволяйте им заставить вас подписать что-нибудь от имени тех, кого нет рядом.

Ася замерла.

— Кому — им?

— Тому, кто сунул вам эту коробку. Тому, кто носит печать. Любому, кто скажет, будто чужое согласие можно заменить правильной формой.

За дверью Никита тихо переступил с ноги на ногу. Берестов услышал и закрыл глаза.

— На сегодня хватит, — сказал он.

Ася поднялась.

— Если вы вспомните ещё что-то, передайте через меня. Не через контору.

— Если вспомню — решу сам.

— Конечно.

Она вышла в коридор и прикрыла за собой дверь. Никита стоял у вешалки, не приближаясь.

— Что он сказал? — спросил он.

— Что ты не подходил к коробке. И что письмо, возможно, можно отыскать по старым приложениям к договорам.

— А про меня?

— Пока ничего такого, что можно считать оправданием.

Он кивнул. Не стал просить подробностей, и это было маленьким, но заметным изменением: впервые за вечер Никита не попытался сам выбрать, какую часть правды Ася должна услышать.

На улице снег перестал бить в лицо. Из переулка они вышли порознь — сначала Ася, потом Никита. У фонаря она остановилась и раскрыла записи. Напротив имени Берестова поставила отметку: «Показания совпадают с актом». Напро-

тив имени Рудневой оставила пустую строку.

— Завтра проверю описи, — сказала она. — Ты займёшься тем, откуда взялась печать.

— Займусь.

— Не трогай её и никому не передавай.

— Понял.

Ася убрала листок. Положение не стало яснее, но изменилось: теперь у неё было подтверждение, что письмо исчезло до того, как Берестов вскрыл коробку, и свидетель, способный указать на следующий документ. А ещё — человек рядом, которому она пока не доверяла, но который впервые не потребовал, чтобы она доверилась ему на слово.

Утром Ася пришла в городскую контору раньше служащих. В коридоре пахло мокрой шерстью, пылью и горячим железом: сторож только что растопил печь и оставил дверцу приоткрытой. На столе в приёмной лежали ведомости за прошлую неделю, стянутые бечёвкой. Ася сняла перчатки и разложила их по датам.

Вчерашние слова Берестова не давали покоя. Письмо могло исчезнуть как до передачи коробки, так и после. Следовало проверить, кто имел к ней доступ и кто знал, что именно должно лежать внутри.

Список приложений к договорам начинался с конца осени. Ася сверяла номера по описям, отмечая карандашом те, где упоминались фонари, семейные печати и распоряжения о хранении. Работа была монотонной; от неё сводило паль-

цы, зато каждая строка заставляла отвечать на один узкий вопрос. Кто оформлял документ? Когда его видели в последний раз? Кто расписался за выдачу?

В половине десятого в приёмную вошла Руднева.

Она сняла шапку, аккуратно стряхнула с неё снег и повесила на крючок. На Асю посмотрела без удивления.

— Вы быстро, — сказала она.

— Вы знали, что я приду?

— Вчера Берестов упомянул, что вы собираетесь проверять описи.

Ася закрыла ведомость, но ладонь оставила на обложке.

— Значит, вы говорили с ним после передачи коробки.

— Разумеется. Я отвечала за хранение.

— Когда именно?

Руднева не села.

— На следующий день. Берестов сообщил, что печать цела, и я внесла это в журнал.

— А письмо?

— Я не знала, что там должно быть письмо.

Ответ прозвучал быстро, но не поспешно. Ася придвинула к себе журнал приёма.

— Тогда почему вы назвали коробку наследством?

Руднева перевела взгляд на обложку, где крупно значилось: «Дело о семейном имуществе».

— Так её обозначили в сопроводительном листе.

— Вы сами его составляли?

— Нет.

— Кто?

— Секретарь Северина. Кажется, Марфа Ильинична.

Имя было знакомым: оно стояло внизу на нескольких копиях договоров, найденных Асей в старой папке. Она записала его, не поднимая глаз.

— Вы видели содержимое коробки?

— Нет. Печать была целой.

— Кто ещё имел доступ к шкафу?

— Сторож и я. Ключ от внутренней дверцы лежал у меня.

— Всегда?

— Кроме двух дней, когда шкаф переносили. Тогда ключ был у мастера.

Ася подняла голову.

— Когда его переносили?

— В конце ноября. В комнате сырела стена. Я просила переставить шкаф ближе к окну.

В ведомости за ноябрь не нашлось ни одного заказа на ремонт комнаты. Но это не означало, что мастера не было: небольшие работы нередко оплачивали из хозяйственной кассы без отдельной заявки.

— Кто был мастером?

— Не помню фамилии. Он работал здесь не один.

— Вы выдали ему ключ?

— Я открыла комнату. Дверцу шкафа он не трогал.

— Это вы помните или так было положено?

У Рудневой дрогнуло веко.

— Вы пришли не за тем, чтобы выслушать меня, а чтобы решить, виновата ли я.

— Я пришла выяснить, у кого был доступ и что можно подтвердить документами. Пока я не решила ничего.

Руднева впервые села. Пальцы у неё были сухие, с чернильными пятнами возле ногтей. Она сцепила их на коленях.

— Если письмо пропало, Берестов должен был сказать мне сразу.

— Почему?

— Потому что коробка была передана на хранение через мою контору. Я отвечала за порядок.

— Вы отвечали за коробку с целой печатью. Письмо могло исчезнуть раньше.

— Тогда кто-то должен был знать, что она там.

— Да.

— И вы думаете, что это я.

— Я думаю, что вы один из людей, чьи действия нужно проверить.

Руднева отвела взгляд. Не обиделась — испугалась, решила Ася. Но страх мог быть вызван чем угодно: угрозой обвинения, пропавшим документом, чужой тайной, которая вдруг оказалась ближе, чем хотелось.

— Я принесу журнал выдачи ключей, — сказала Руднева. — Он у меня дома. Там есть подпись мастера.

— Сегодня?

— Если вам это действительно нужно.

— Нужно.

Руднева поднялась и застегнула пальто. У двери она задержалась.

— Только не смешивайте служебную небрежность с преступлением, Ася Лесина. В этой истории уже достаточно людей, которые готовы подписать за других.

Дверь закрылась, и в приёмной снова стало слышно, как потрескивает печь.

Ася записала её слова дословно. Затем вернулась к описям. Через час нашла нужную строку: в журнале приложений к договорам за двадцать лет до этого числилось «письмо о ночном согласии», переданное на хранение вместе с описью имущества семьи Северина. Через три месяца запись перечеркнули. На полях стояло: «Выдано по распоряжению владельца». Подписи владельца не было.

Рядом значился номер коробки.

Тот самый, что Берестов вчера назвал по памяти.

Ася переписала номер и дату, потом сверила их с журналом выдачи. Напротив стояла короткая пометка: «Возврат в шкаф. Без приложения». Почерк принадлежал не Рудневой и не Берестову. Внизу страницы — инициалы: М. И. С.

Марфа Ильинична Северина.

Ася медленно провела ногтем по бумаге. Чернила на инициалах потускнели сильнее, чем на строке рядом. Их могли внести позднее. Или старый журнал просто хранили хуже.

За окном, у входа, остановилась знакомая фигура. Никита снял шапку, стряхнул снег и не вошёл сразу, будто давал ей возможность решить, хочет ли она его видеть.

Ася вышла в коридор сама.

— Нашла запись, — сказала она. — Письмо выдавали, потом вернули без приложения. Но запись двадцатилетней давности. Её связь с нынешней пропажей ещё нужно проверить.

Никита нахмурился.

— Кто выдавал?

— Подпись неразборчива. На полях инициалы Марфы Ильиничны.

Он не стал отвечать сразу. Пальцы сжали шапку.

— Я не знал об этой записи.

— Я и не спрашивала, знал ли ты.

— Но ты подумала.

— Подумала. Потом проверила страницу.

Никита посмотрел на неё внимательнее, словно пытался понять, что именно она ему предлагает: оправдание или возможность продолжать разговор.

— Марфа Ильинична была секретарём моего деда, — сказал он. — После его смерти она ещё несколько лет разбирала семейные бумаги. Я могу узнать, где она сейчас, но не стану говорить с ней один.

— Хорошо.

— И не стану предупреждать её, что ты нашла.

— Ещё лучше.

Это не было доверием, но впервые их договорённость касалась не того, что Никита должен скрыть, а того, что он не станет делать без неё.

Ася вернулась к столу и показала ему страницу, не выпуская журнал из рук. Никита прочитал запись дважды.

— «Ночное согласие», — произнёс он. — Так называли дополнение к договору?

— Пока это только название в описи.

— Но письмо было.

— Было что-то, записанное как письмо. Потом его выдали без подписи владельца и вернули без приложения. Это доказуемая часть. Остальное — нет.

Он кивнул. В этот раз не попытался заполнить пробел догадкой.

Ася закрыла журнал.

— Следующий шаг — найти журнал ключей и человека, который подписал выдачу. А потом поговорить с Марфой Ильиничной, если она согласится.

— Я узнаю адрес.

— Узнай. Но сначала принеси мне подтверждение, что это тот же человек, а не другая Марфа Северина.

— Принесу.

Когда он ушёл, Ася вписала в свои заметки номер коробки, дату и точную формулировку из описи. Теперь пропажа перестала быть только рассказом Берестова: у неё появился бумажный след, который вёл к семейному секретарю и к

распоряжению без подписи. А рядом с этим следом впервые стояло имя человека, которого Никита не мог просто оправдать — и не стал.

На следующий день Никита принёс не адрес, а копию выписки из городского реестра.

Ася прочитала её у себя в кабинете, пока он стоял у двери, не снимая пальто. На бумаге значилась Марфа Ильинична Северина, вдова, проживающая на улице Печной, дом восемь. Возраст и отчество совпадали. Ниже стояла отметка о смене фамилии после второго брака, но фамилия Северина была сохранена.

— Это она, — сказала Ася. — По крайней мере, человек с нужными именем, отчеством и прошлой фамилией.

— Я проверил адрес у управляющего. Она там живёт.

— Ты с ней разговаривал?

— Нет.

— Хорошо.

Никита кивнул и наконец повесил пальто на крючок. На его манжете таял снег; капли падали на половицу, оставляя тёмные точки.

Ася сложила выписку пополам и убрала в папку.

— Но сперва журнал ключей.

— Я нашёл его.

Он вынул из внутреннего кармана небольшой блокнот в серой обложке. Не оригинал — архивную копию, заверенную подписью хранителя. Листы были пронумерованы, за-

писи шли по датам. Ася подвинула к себе настольную лампу.

— Покажи страницу с нужной датой.

Никита раскрыл блокнот. Его палец остановился на строчке, где рядом с номером хранилища стояли время выдачи и инициалы: М. И. С. В графе «получатель» было написано: «по распоряжению Г. С. Северина».

Ася перечитала запись.

— Кто такой Г. С.?

— Гавриил Степанович. Мой дед.

— Ты говорил, что он умер до того, как коробку отправили в контору.

— Да. — Никита не отводил взгляда от страницы. — Значит, либо запись сделана задним числом, либо его распоряжение было оформлено заранее. Или кто-то прикрылся его именем.

— А журнал это не различает.

— Нет.

— Зато показывает, что ключ выдали Марфе Ильиничне.

Никита провёл пальцем по краю страницы, не касаясь чернил.

— В доме деда ключи хранились в запираемом шкафу. Доступ был у секретаря и у управляющего. Если она получила ключ по распоряжению деда, это могло быть законно.

— Тогда зачем возвращать письмо без приложения?

— Не знаю.

Он сказал это без привычного усилия, которым прежде

заполнял паузы объяснениями. Ася заметила, как трудно ему далась эта простая фраза.

— Откуда копия? — спросила она.

— Из семейного архива. Хранитель не хотел отдавать, пока я не объяснил, что сверяю даты. Я обещал вернуть её сегодня.

— Обещание ему или семейной привычке?

Никита поднял глаза.

— Ему. Он не обязан отвечать за то, что делал мой дед.

— Тогда вернёшь.

— Верну. Но сначала перепиши запись.

Ася достала бланк для копирования, положила блокнот рядом и перенесла строку посимвольно. Время, номер ключа, фамилию получателя, помету о распоряжении. Внизу указала источник и дату сверки. Никита смотрел молча. Когда она закончила, он расписался как человек, предъявивший копию.

— Это не докажет, что письмо забрала Марфа Ильинична, — сказал он.

— Докажет, что ключ в тот день выдали ей. Это уже больше, чем у нас было.

— И всё ещё не отвечает, кто забрал приложение.

— Поэтому мы не будем задавать ей вопрос так, будто ответ уже известен.

Никита принял это без возражений. Вместе они проверили выписку и копию журнала, затем Ася внесла в заметки

два отдельных факта, не соединяя их стрелкой: выдача ключа Марфе Ильиничне; распоряжение Гавриила Степановича, записанное без номера и без приложенной бумаги.

Когда Никита собрался уходить, она остановила его у двери.

— Ты поедешь к ней?

— Да.

— Один?

— Нет. Ты сказала, что сначала нужно поговорить с ней, если она согласится.

— Я сказала, что поговорим, если она согласится. Это не то же самое.

— Я понимаю.

Он достал листок с адресом и положил на стол.

— Можем сначала отправить записку. Без упоминания письма. Спросить, примет ли она нас и когда.

— Так и сделаем.

Ася написала коротко: назвала себя, указала, что занимается архивной проверкой старых семейных бумаг, и попросила назначить время для разговора. Ни о пропавшем приложении, ни о дедовом распоряжении она не написала. Никита прочёл текст и не предложил добавить, что они родственники.

Записку отнесли на Печную в тот же день. Дом оказался узким, кирпичным, с тяжёлой дверью, которую приходилось придерживать плечом, чтобы не захлопнулась от сквозняка.

На втором этаже пахло углём и варёной капустой. Ася опустила сложенный лист в почтовый ящик с выцветшей надписью «Северина» и проверила, что бумага не застряла.

У подъезда Никита ждал, глядя на снег у бордюра.

— Если она откажется, — сказал он, — я не стану идти к ней сам.

— Решение за ней.

— Да.

Он не попросил Аси напомнить ему о договорённости и не попробовал представить отказ временной помехой. От этого ответ прозвучал весомее, чем их прежние обещания.

До вечера они вернулись к каждому доступному документу. Ася сверила даты регистрации коробки и выдачи ключа, убедилась, что журнал был прошит и нумерация страниц не нарушена. Подпись в графе распоряжения отсутствовала; это тоже следовало записать, хотя отсутствие подписи ничего само по себе не доказывало. Никита тем временем нашёл в описи старого архива фамилию управляющего, который мог подтвердить порядок хранения ключей, но его запись об увольнении оказалась датирована за два года до спорного события.

— Значит, у нас остаётся Марфа Ильинична, — сказал он.

— У нас остаются документы, которые у нас есть. Она — человек, которого мы можем спросить. Не источник готового ответа.

— Ты так говоришь, словно уже знаешь, что я спешу.

— Ты несколько раз спешил прежде. Я не хочу, чтобы разговор с ней стал продолжением твоей вины.

Никита сжал губы, но не стал возражать.

— Я не хочу, чтобы она отвечала за меня, — сказал он наконец.

— Тогда не проси её об этом.

Он ушёл, оставив на столе копию выписки. Ася убрала её в папку вместе с заверенной строкой из журнала. Теперь пропажа имела не только дату и номер коробки, но и путь к ключу, который был выдан конкретному человеку. Имя деда Никиты стояло рядом — без подписи, без документа, подтверждающего распоряжение. Ни одна из этих деталей не давала права обвинить Марфу Ильиничну. Но теперь у Аси было достаточно, чтобы попросить её о разговоре, не превращая вопрос в приговор.

На следующий день ответ Марфы Ильиничны пришёл не письмом, а телефонным звонком в архив.

Ася сняла трубку почти сразу. На линии шуршало, будто собеседница прикрыла микрофон ладонью.

— Это Лесина? — спросил сухой женский голос.

— Да. Ася Лесина.

— Записку получила. Сегодня после шести. Одна.

Ася посмотрела на папку с документами. Никита утром обещал не звонить Марфе и не искать встречи без её согласия. Он не просил Асю передать ему ответ, но она всё равно почувствовала, как легко нарушить это простое условие од-

ним движением.

— Хорошо. Я приду одна.

— И без бумаг.

— Я не буду приносить документы, — сказала Ася. — Но мне важно понять, что именно вы готовы обсуждать. Если вы не хотите говорить о пропаже, мы не будем.

На другом конце помолчали.

— Вы и правда думаете, что можно заранее договориться, о чём говорить?

— Можно договориться, о чём не спрашивать.

Марфа Ильинична тихо хмыкнула.

— Вот это разумнее. Приходите к шести. Не опаздывайте: я не люблю, когда люди заставляют себя ждать.

Связь оборвалась. Ася записала время звонка и слова Марфы в рабочий блокнот. Не потому, что хотела превратить чужую осторожность в улику, а потому, что разговоры о старых делах быстро обрастали удобными пересказами. Время, формулировки, присутствовавшие люди — всё это могло потом оказаться важнее того, что собеседник считал главным.

Никита пришёл ближе к полудню. Он не стал спрашивать, звонила ли Марфа, пока не увидел блокнот раскрытым на столе.

— Она согласилась?

— Сегодня после шести. Одну.

Он принял ответ без заметного разочарования, но пальцы

его задержались на краю стола.

— Я могу подождать у подъезда.

— Нет. Она сказала — одна. Я не хочу превращать это в проверку, насколько широко мы готовы толковать её условия.

— Ты права.

Он произнёс это слишком быстро, словно заранее приготовил ответ, но не стал предлагать обходной вариант. Ася отметила про себя, что обещание пока выдержало первую проверку.

— Я спрошу только о том, что она сама согласится обсуждать, — сказала она. — Если она вспомнит твоего деда, я не стану делать вид, будто не понимаю, о ком речь. Но вытягивать из неё признание или оправдание не буду.

— Я не жду от неё ни того, ни другого.

— Хорошо. Потому что ждать было бы нечестно.

Никита опустил взгляд. В последние месяцы они не раз возвращались к его прежней ошибке — к решению, которое он однажды принял за другого человека и назвал заботой. Ася не хотела, чтобы нынешнее расследование стало ещё одним способом получить нужный ему ответ, прикрывшись чужим молчанием.

— Если выяснится, что мой дед действительно отдал ключ, — сказал он, — это всё равно не объяснит, кто забрал приложение.

— Именно. Доступ — не доказательство кражи.

— И отсутствие подписи — не доказательство того, что распоряжения не было.

— Верно.

Они обменялись взглядами, и на этот раз согласие не принесло облегчения. Оно лишь очертило границы того, чего они пока не знали.

До встречи Ася проверила доступные бумаги ещё раз. В журнале выдачи ключей значилась дата, фамилия деда Никиты и пустая графа для подписи. В описи коробки было указано приложение к договору — два листа, пронумерованные отдельно. В записи о проверке фонда через несколько лет оба листа уже числились отсутствующими, но дата обнаружения пропажи была позднее даты последнего подтверждённого доступа к архиву. Между ними оставался промежуток, в котором могли произойти разные события.

Она выписала вопросы на отдельный лист и тут же вычеркнула половину. «Кто отдал ключ?» — слишком широко. «Вы видели, как дед Никиты распоряжался ключом?» — точнее. «Знали ли вы о пропаже?» — вопрос, который мог прозвучать обвинением, даже если был задан спокойным голосом.

В итоге на листе остались три пункта: порядок выдачи ключей, обстоятельства выдачи в спорный день, любые сведения о перемещении коробки после выдачи. Рядом Ася написала: «Не подсказывать ответ».

Пока она готовилась, Никита занимался другим делом:

разыскивал бывшего управляющего, чья фамилия встречалась в старой описи. Он не обещал, что добьётся разговора, и не просил Асю изменить план. Перед уходом он оставил ей номер найденного телефона, но попросил не звонить, пока не выяснит, помнит ли человек архив и согласен ли разговаривать.

— Ты учишься не торопиться, — сказала Ася.

— Я учусь не считать собственную тревогу срочностью для остальных.

На Печную она пришла без папки и без блокнота. На улице уже темнело. Снег у стен стал рыхлым, серым; по нему тянулись дорожки из соли и песка. В подъезде пахло отоплением, мокрыми варежками и чем-то сладким, недавно испечённым. Дверь квартиры на втором этаже открылась после второго звонка.

Марфа Ильинична оказалась ниже ростом, чем Ася ожидала, но держалась прямо. На ней был тёмный кардиган, застёгнутый не на ту пуговицу; седые волосы убраны в гладкий узел. Она посмотрела сначала на Асю, потом на её пустые руки.

— Одна, как обещали.

— Да.

— Проходите. Чай не предлагаю. Если вы пришли брать показания, я не участковый.

— Я пришла задать несколько вопросов. Вы можете не отвечать на любой из них.

— А потом запишете: «Отказалась отвечать».

— Если это будет важно для проверки, я укажу, что вы отказались. Но я не стану называть отказ признанием.

Марфа помедлила, потом отступила от двери.

Квартира была небольшой, аккуратной, с мебелью, которая пережила несколько ремонтов и не совпадала по цвету, зато стояла на своих местах. В комнате тикали часы. На подоконнике сохли две пары шерстяных носков. Марфа указала на стул напротив кухонного стола, сама села у окна.

— Начинайте.

Ася не стала торопиться.

— В архивной описи есть запись о выдаче ключа в день, когда коробка с семейными бумагами была доступна для проверки. Получателем указаны вы, а в помете о распоряжении назван дед Никиты Северина. Подписи в графе распоряжения нет.

Лицо Марфы не изменилось, но рука, лежавшая на подоконнике, сжалась.

— Значит, вы уже решили, что он взял ключ.

— Нет. Я сказала, что записано в журнале. Вопрос в том, как в тот день работала выдача и что происходило после неё.

— А Никита?

— Он не пришёл. Вы просили о встрече со мной, и он принял это условие.

Марфа посмотрела на Асю внимательнее.

— Принял или позволил вам так сказать?

— Принял. Я не могу доказать вам это словами, и не буду просить верить на слово.

Женщина отвернулась к окну. Там, за стеклом, в сумерках медленно проходил человек, придерживая шапку от ветра.

— Ключи тогда хранили в запираемом ящике, — сказала Марфа наконец. — Но ящик держали открытым в часы работы. Смешно, да? Замок был для отчётности. Каждый, кому надо было в фонд, мог подойти и попросить ключ.

— А запись делали сразу?

— Обычно. Иногда после. Иногда за другого. Я не говорю, что так следовало делать. Но в том архиве всё держалось на памяти людей и на том, что никто не станет пользоваться доверием в дурных целях.

— Кто выдал ключ в тот день?

— Не помню.

Ответ прозвучал ровно, без паузы. Ася не стала повторять вопрос иначе.

— Вы видели деда Никиты в архиве?

Марфа провела большим пальцем по краю подоконника.

— Видела. Он был там. Это я помню.

— Что именно он делал?

— Забрал коробку из нижнего шкафа. Сказал, что ему поручили сверить бумаги с описью. Я тогда занималась выдачей справок и не проверяла каждую коробку у него за спиной.

— Вы видели, что он вернул всё на место?

— Нет.

— Слышали, кто поручил ему сверку?

Марфа резко посмотрела на Асю.

— Я не помню.

Ася выдержала паузу. Не всякий пробел в памяти был ложью; иногда человек мог удерживать одно событие и не помнить соседнего. Но формулировка Марфы стала осторожнее, чем прежде, и осторожность сама по себе не доказывала вины.

— Вы не обязаны объяснять мне, почему не помните, — сказала Ася. — Но это важное различие. Вы помните, что он был там. Не помните, кто выдал ключ, и не видели, как он вернул коробку.

— Вы всё раскладываете по полочкам.

— Если не раскладывать, легко принять предположение за факт.

Марфа взяла со стола стакан, отпила воды и поставила обратно. Стакан едва слышно звякнул о блюдце.

— Приложение лежало отдельно, — сказала она. — Внутри коробки был конверт. Старый, с надорванным клапаном. Я его видела раньше, ещё до той проверки.

Ася не подалась вперёд, хотя у неё мгновенно напряглись плечи.

— Вы помните, что было написано на конверте?

— Нет. Или не хочу помнить — теперь уже не знаю. Бумагу тогда никто не считал ценной. Считали, что важны только

подписи и печати.

— Вы видели, как дед Никиты забрал конверт?

Марфа закрыла глаза на секунду.

— Нет. Я не видела, чтобы он забирал хоть что-нибудь. Я видела коробку на столе, а потом видела его у выхода. Между этим — ничего.

— Почему вы не сообщили, что он был там, когда обнаружилась пропажа?

— Потому что не знала, что пропало. Коробку открыли не при мне. А потом начались разговоры о том, кто имел ключ, кто мог подделать распоряжение, кому выгодно. В бумагах не было моей подписи. Я решила, что мне нечего добавлять.

Это могло быть правдой. Или частью правды, которую Марфа научилась повторять так, чтобы не касаться остального.

— Сейчас вы готовы подтвердить, что видели его в архиве в тот день?

— Я подтверждаю только то, что сказала. Он был там. Он забрал коробку. Я не видела, чтобы он взял приложение.

Ася кивнула.

— Этого достаточно, чтобы проверить журнал и сопоставить ваш рассказ с другими записями. Недостаточно, чтобы обвинить его в краже.

— А Никита так считает?

— Никита хочет знать, что сделал его дед. Но это не даёт ему права заранее решать, что вы должны помнить.

Марфа снова посмотрела на неё. На этот раз взгляд был не колючим, а усталым.

— Вы очень стараетесь быть справедливой.

— Я стараюсь не подменять справедливость удобством.

Часы отмерили ещё несколько секунд. Марфа поднялась, подошла к буфету и достала из ящика сложенную вчетверо бумагу.

— Я нашла это после вашего письма. Не знала, отдавать ли. Оно не моё.

— Что это?

— Старое письмо. Мне его передали, когда закрывали архив. Сказали, что оно не относится к фонду, но выбросить рука не поднялась. Я не вскрывала.

Она положила бумагу на стол, не развернув. На внешней стороне проступали выцветшие чернила. Адресата не было, только короткая пометка, написанная рукой, которую Ася не узнала:

«Оставить вместе с приложением».

Ася не прикоснулась к письму.

— Почему вы показываете его сейчас?

— Потому что вы спросили про коробку. И потому что я не хочу, чтобы через год кто-нибудь сказал: Марфа Ильинична знала и молчала.

— Вы согласны передать письмо на проверку?

Марфа долго смотрела на сложенный лист.

— Я согласна, чтобы вы записали, что оно у меня. Само

письмо я пока не отдам.

Это не было согласием, на которое надеялась Ася, и всё же положение изменилось. У пропавшего приложения возникло возможное продолжение — не доказательство и не ответ, а предмет, происхождение которого ещё предстояло установить. Ася не стала требовать большего.

— Я так и запишу. Но чтобы проверить его связь с делом, мне понадобится ваше разрешение хотя бы осмотреть бумагу.

— Не сегодня.

— Хорошо.

Марфа убрала письмо обратно в ящик, но не закрыла его до конца.

Ася поднялась. У двери она остановилась.

— Спасибо, что рассказали то, что помните.

— Не благодарите меня раньше времени.

— Я благодарю за разговор. Не за вывод.

Марфа ничего не ответила. Дверь закрылась негромко, без щелчка замка.

На улице Ася постояла под навесом, прежде чем идти к остановке. Она достала телефон и написала Никите: «Марфа подтвердила, что твой дед был в архиве и забирал коробку. Не видела, чтобы он забрал приложение. Есть старое письмо, связанное с приложением, но пока она не согласна его передать. Нужна проверка, не выводы».

Ответ пришёл не сразу.

«Понял. Спасибо, что была одна».

Ася убрала телефон. Встреча не оправдала Никиту и не обвиняла его деда. Она дала им свидетеля, который признавал собственную память неполной, и письмо, которое пока оставалось у Марфы. До ясности было далеко, но теперь у расследования появились не только строки журнала: был рассказ человека, готового назвать пределы того, что он видел.

Глава 2. Правило, которого не было

Глава 2. Правило, которого не было

Утром Ася перечитала своё сообщение Никите, хотя помнила его наизусть.

«Марфа подтвердила, что твой дед был в архиве и забирал коробку. Не видела, чтобы он забрал приложение. Есть старое письмо, связанное с приложением, но пока она не согласна его передать. Нужна проверка, не выводы».

Ночью ответ казался достаточным. При дневном свете — слишком коротким для разговора, в котором от каждого слова зависело, останется ли Никита её союзником или станет ещё одним человеком, желающим получить от неё нужное подтверждение.

Ася убрала телефон в карман и раскрыла папку с копиями архивных записей. На полях она оставила место для новых дат и имён. Привычка, выработанная годами работы с документами: не вписывать вывод туда, где пока есть только вопрос.

В дверь постучали ровно в девять.

Никита держал под мышкой тонкую папку, а в руке — сложенный вчетверо лист с печатью.

— Это не письмо Марфы, — сказал он, заметив её взгляд. — Независимое свидетельство. Нашёл его вчера у архивной сотрудницы, которая вела журнал выдачи.

— Она согласилась говорить?

— Да. И попросила не называть её имени, пока мы не поймём, что именно доказывает запись.

Ася пропустила его внутрь, но папку сразу не взяла.

— Сначала скажи, что именно ты ей пообещал.

— Ничего, кроме того, что мы не будем ссылаться на неё без разрешения.

— А сам документ?

— Копия. Оригинал остаётся в архиве.

Он не оправдывался и не торопил её. Это было разумно, и всё же Ася ощутила, как внутри поднимается раздражение. Не на него — на то, что каждое новое свидетельство приходилось принимать осторожно, словно бумага могла обжечь пальцы.

— Покажи.

В журнале стояли дата, номер коробки и подпись деда Никиты. Запись подтверждала, что он получил материалы семейного соглашения на руки; дату возврата Ася сначала ошибочно прочла как совпадающую с датой выдачи. Рядом другой рукой было добавлено: «Приложение не выдава-

лось». Под строкой темнел оттиск круглой печати.

Ася придвинула к себе лист.

— Марфа сказала, что он забирал коробку. Это совпадает. Но если приложение не выдавалось, оно могло остаться внутри.

— Или его забрали раньше, — сказал Никита.

— Тогда нужна дата, имя и запись, подтверждающая, что приложение существовало отдельно.

Никита опустил взгляд на журнал. В его лице не было ни облегчения, ни злости. Только сосредоточенность, знакомая Асе по тем редким случаям, когда он заставлял себя не отвечать раньше, чем понял вопрос.

— Я тоже так подумал.

Она провела пальцем вдоль края записи, не касаясь чернил.

— Здесь есть несоответствие. Дата возврата стоит на день раньше, чем запись о выдаче коробки.

Никита наклонился ближе.

— Может, исправление?

— Может. Но написано теми же чернилами, что и подпись. А вот номер ящика добавлен другими.

— Получается, кто-то переписывал журнал.

— Или дополнял его позднее. Это не одно и то же.

Ася достала копию старого семейного соглашения. В нём говорилось, что жители нескольких улиц могут обратиться к хранителю фонаря, если семейная магия затрагивает город-

ские огни. О праве хранителя требовать согласие от имени всех не было ни слова.

Никита прочёл абзац и нахмурился.

— Мне показывали другую формулировку.

— Где?

— В выписке, которую составил дед. Там было сказано: «При угрозе городу хранитель вправе действовать без промедления».

— Это не формулировка соглашения. Это пересказ.

— Я знаю.

— Знал тогда?

Он помолчал.

— Тогда я считал, что если дед вынес это в выписку, значит, правило существовало.

Ася подняла глаза.

— А теперь?

— Теперь вижу, что он мог ошибаться. Или хотел, чтобы остальные думали, будто выбора нет.

Фраза повисла между ними тяжелее, чем любая из бумаг. Ася заметила, как Никита крепче сжал ладонь, но не стала смягчать вопрос.

— Если кто-то использовал это правило, люди могли согласиться не потому, что хотели, а потому, что им сказали: иначе город пострадает.

— Да.

— И если ты сейчас просишь меня поверить свидетель-

ству, которое может оправдать твоего деда, я не буду.

— Я не прошу.

— Тогда чего ты хочешь?

Никита посмотрел на неё прямо.

— Чтобы мы установили, что было написано в оригинале. Даже если это будет хуже для моей семьи.

В его голосе не прозвучало просьбы о доверии. Только готовность принять ответ, каким бы он ни оказался. Ася почувствовала, как раздражение отступает, оставляя после себя усталость.

Она снова посмотрела на журнал.

— Нам нужна сотрудница, которая вела записи.

— Она согласилась встретиться в архиве после обеда.

— Ты уже назначил встречу?

— Спросил, когда ей удобно. Она сама выбрала время.

Ася кивнула. Это было важно: он не привёл её к свидетелю как к готовому доказательству и не поставил перед свершившимся фактом.

— Хорошо. Но сначала проверим даты по другим документам. Если журнал вёлся не одним человеком, там должны быть подписи на соседних страницах.

— Я принёс копии.

Они работали за кухонным столом, рядом с остывающим чаем. Ася сопоставляла номера коробок, Никита записывал расхождения. Несколько раз их выводы расходились; каждый раз они возвращались к строкам и перечитывали их

вслух. К полудню выяснилось, что коробку действительно выдавали деду Никиты, но приложение числилось в архиве ещё два дня после этого.

Значит, его не забрали вместе с коробкой.

Ася обвела эту запись карандашом.

— Это меняет направление поиска.

— И не отвечает на вопрос, кто взял приложение потом, — сказал Никита.

— Нет. Но теперь мы знаем, что твой дед не мог унести его в тот день, если журнал подлинный.

Он не стал благодарить её за осторожную формулировку. Лишь кивнул и положил ладонь рядом с бумагой, не закрывая строку.

В архив они вышли вместе. На лестнице Никита остановился.

— Есть ещё кое-что. Сотрудница сказала, что после исчезновения приложения её попросили подтвердить правило о действиях без согласия.

Ася обернулась.

— Кто попросил?

— Этого она не написала. Только сказала, что просьбу передали через старшего хранителя.

— А сама она такое правило видела?

— Нет. Она проверяла оригинал и не нашла его.

Ася задержала взгляд на листе в его руке. До этой минуты они искали документ, который мог установить, что сде-

лал его дед. Теперь перед ними возникал другой вопрос: кто превратил чужую трактовку в обязательное правило — и кому понадобилось, чтобы люди поверили, будто выбора у них нет.

Они спустились на улицу, где мокрый снег лип к подошвам. Впереди, за перекрёстком, уже горели фонари, хотя день ещё не кончился. Ася крепче прижала папку к боку и пошла рядом с Никитой, понимая, что следующий разговор может поставить под угрозу не только его семейную историю.

За перекрёстком архив занимал бывший дом городской управы — длинный, с узкими окнами и каменными ступенями, отполированными тысячами подошв. В мокром сумраке его фасад казался темнее соседних зданий. Над входом горела лампа в старом латунном фонаре. Стекло у неё было мутным, и свет ложился на ступени неровными жёлтыми пятнами.

Никита придержал дверь, пропуская Асю. Она заметила, что он не пошёл следом сразу: сперва посмотрел на фонарь, потом на окно второго этажа, за которым двигалась тень.

— Ты ждёшь кого-то? — спросила она.

— Нет. Просто пытаюсь понять, кто здесь ещё задержался.

В гардеробе пахло мокрой шерстью и бумажной пылью. Дежурный архивист, молодой мужчина с красными от холода ушами, узнал Никиту и указал на внутреннюю лестницу.

— Вас ждут в читальном зале. Сотрудница уже пришла.

Ася задержалась у стойки.

— Она знает, что мы будем вдвоём?

— Я предупредил, — отозвался Никита. — Она могла отказаться.

Он не стал пояснять, что она не отказалась. Ася сняла перчатки и убрала их в карман пальто.

В читальном зале горели две настольные лампы. У окна сидела пожилая женщина в сером кардигане, сложив руки поверх закрытой папки. Её волосы были собраны так туго, что кожа на висках блестела. На столе стояла чашка, к которой она не притронулась.

— Марина Павловна? — спросила Ася.

— Да. Вы Лесина?

— Ася.

Женщина посмотрела на Никиту, потом снова на Асю.

— Вы сказали, что не из семьи Северина.

— Я не из семьи Северина, — ответила Ася. — И не пришла решать за вас, что вы должны помнить.

Марина Павловна чуть заметно выдохнула и указала на стулья.

— Мне сказали, вы хотите спросить про приложение к договору.

— И про просьбу подтвердить правило, которого вы не нашли в оригинале.

— Я не говорила, что его не было.

— Никита сказал, что вы проверяли оригинал и не нашли

записи.

— Это не одно и то же.

Ася села, не раскрывая папку. Никита устроился сбоку, оставив между собой и свидетельницей свободное место. Марина Павловна отметила этот жест, но ничего не сказала.

— Что именно вы проверяли? — спросила Ася.

— Книгу приложений. Три тетради, прошитые вместе. В одной из них была ссылка на дополнение к семейному соглашению. Не само дополнение, только указание, что оно приложено к экземпляру городской стороны. Когда исчезло, меня попросили сверить опись.

— Кто попросил?

— Старший хранитель. Тогда им был Глеб Андреевич.

Никита едва заметно напрягся. Ася увидела, как его пальцы прижались к колену, но он не вмешался.

— Он просил вас подтвердить правило о действиях без согласия? — спросила она.

— Нет. Он просил подтвердить, что в тетради есть запись о таком правиле.

— И вы отказались?

— Я сказала, что записи нет. Он ответил, что речь не о буквальном совпадении формулировок. Что смысл можно восстановить по другим экземплярам.

— По каким?

Марина Павловна развернула папку. Внутри лежал лист с аккуратной машинописной копией и несколько карточек

учёта. Она достала одну карточку и придвинула к Асе, но не отпустила.

— Вот дата сверки описи. Двадцать третье ноября. А вот дата письма, после которого меня попросили подготовить подтверждение.

Она перевернула карточку. На обороте стояла отметка о получении: девятнадцатое ноября. Подпись была короткой, с угловатой буквой «Г».

Ася не стала касаться карточки.

— Это почерк Глеба Андреевича?

— Он подписывал так служебные требования. Но карточка подтверждает только, что письмо поступило через хранителя.

— А само письмо у вас есть?

— Нет. Я вернула его в канцелярию.

Никита посмотрел на дату.

— Дед умер за год до этого.

— Я знаю, — сказала Марина Павловна. — Поэтому не хочу, чтобы вы решили, будто я пришла обвинить его.

— А я не хочу, чтобы вы подтвердили то, чего не видели, — ответил Никита.

В этих словах не было защиты. Марина Павловна медленно отпустила карточку.

— Я смешала даты. Обращения Глеба Андреевича и записи о его визитах относятся к более раннему году, ещё до его смерти, а не к году поступления письма. В журнале выда-

чи приложение значилось на месте через два дня после того, как коробку забрал ваш дед. Это я проверяла. Потом, ещё при жизни, он попросил меня написать, что правила, разрешающего действовать без согласия, в договоре не было.

Ася подняла глаза.

— Это противоположное утверждение.

— Именно. Сначала он хотел, чтобы я подтвердила правило. Потом — чтобы подтвердила его отсутствие.

В читальном зале стало слышно, как за стеной закрыли металлический шкаф. Никита не пошевелился.

— Когда изменилось его требование? — спросила Ася.

— Через неделю. Он сказал, что нашёл другой экземпляр, и больше не нуждается в моей справке.

— Вы видели этот экземпляр?

— Нет.

— А почему согласились встретиться сейчас?

Марина Павловна убрала руку с карточки и сложила пальцы в замок.

— Потому что вчера мне позвонили. Сказали, что в архиве снова задают вопросы о приложении, и мне лучше не вмешиваться. Я спросила, кто говорит. Мне ответили: «Вы же знаете, как легко ошибиться в старых датах».

Никита наклонился вперёд.

— Вы узнали голос?

— Нет. Или не уверена. Я не стану выдавать догадку за свидетельство.

Ася почувствовала, как слова женщины переставляют дело на новую опору. Не на признание и не на готовое обвинение — на две несовместимые просьбы, разделённые неделей, и на карточку с датой. Если это подтвердится, речь шла уже не о том, кто унёс приложение, а о том, кто пытался заставить архив подтвердить то правило, которого там не было.

— Можно снять копию с карточки? — спросила она.

— Можно. Но оригинал я оставлю у себя.

— Это ваше право.

Марина Павловна посмотрела на неё внимательнее.

— А если в копии окажется моя подпись?

— Мы не будем использовать её без вашего согласия. Сначала установим, что именно она удостоверяет.

Женщина кивнула, словно услышала не обещание, а границу, которую сама хотела провести.

Пока архивист готовил скан, Никита стоял у окна. Ася подошла к нему, оставив между ними расстояние в шаг.

— Ты знал, что Глеб Андреевич просил её о двух разных подтверждениях?

— Нет.

— Даже не подозревал?

Он покачал головой.

— Я знал, что он считал старые договоры опасными. Но не знал, что он пытался менять формулировки под нужный ответ.

— Это может быть связано с твоей семьёй. Но пока не

доказывает, что связано с твоим дедом.

— Понимаю.

Он сказал это быстро, и Ася не стала смягчать вопрос.

— Если письмо найдётся, ты готов, чтобы его проверили независимо от того, чья подпись там будет?

— Да.

На столе принтер тихо вытолкнул страницу. Марина Павловна первой взяла копию, просмотрела её и только потом передала Асе. Внизу отчётливо читались дата и отметка о поступлении. Подпись осталась такой же угловатой.

Никита посмотрел на лист, но не коснулся его.

— Теперь есть дата, — сказала Ася. — И свидетель, который помнит две разные просьбы. Следующий шаг — найти само письмо и установить, кто его передал.

— Я попробую через канцелярию, — сказал Никита.

— Нет, — остановила его Марина Павловна. — Если вы пойдёте туда один, они решат, что это семейный спор. Я сама запрошу копию по описи. Моё имя уже в карточке.

Ася посмотрела на неё.

— Вы уверены?

— Нет. Но это мой риск, а не ваш выбор за меня.

Марина Павловна забрала оригинал карточки и убрала его в папку. Теперь встреча изменила не только направление расследования: свидетельница, которая прежде хотела остаться в стороне, сама решила поставить своё имя рядом с датой. Ася поняла, что их дальнейшие действия могли затро-

нуть человека, который не соглашался становиться ни доказательством, ни прикрытием.

Марина Павловна закрыла папку и прижала её ладонью, будто боялась, что карточка выскользнет наружу сама.

— Запрос я подам утром, — сказала она. — Сегодня канцелярия уже закрыта.

— Тогда утром и подадим, — отозвалась Ася. — Вместе, если вы этого хотите.

— Я хочу подать сама. А вы можете помочь мне проверить, что именно я запрашиваю.

Никита отошёл от окна. За стеклом отражались длинные столы и ряды шкафов; вечерний архив был похож на место, где все давно разошлись, но никто не осмелился выключить свет.

— Я не стану вмешиваться, — сказал он. — Только если вы попросите.

Марина Павловна взглянула на него.

— Хорошо. Но если в канцелярии спросят, почему вы здесь, вы не будете говорить за меня.

— Не буду.

Ася увидела, как он принял это без улыбки и без обиды. Для него такая просьба была не мелочью: ему предстояло стоять рядом и не подменять собой ни свидетельницу, ни её решение.

Марина достала из сумки тонкий блокнот.

— Я записала тогдашний разговор, — сказала она. — Не

весь. Только даты и формулировки, потому что они показались мне странными. Это не протокол, и я не хочу, чтобы вы принимали запись за доказательство.

— Мы проверим её по документам, — ответила Ася.

— Сначала я прочитаю сама.

Она раскрыла блокнот на закладке. Страницы были исписаны мелким почерком, без полей и подчёркиваний. Марина провела пальцем вниз, задержалась у середины.

— Я неверно пересказала требования по памяти. Прочитаю, как записано: первое обращение — пятого октября. Глеб Андреевич попросил подтвердить, что договорное правило применяется только при добровольном согласии всех названных сторон. Я сказала, что такого правила в архивных бумагах нет. Он ответил, что хотел именно это и выяснить.

— А второе? — спросила Ася.

— Двенадцатого. Он хотел, чтобы я подтвердила, будто согласие одного представителя семьи распространяется на остальных. Я отказала. Он не спорил. Только попросил приложить к его запросу копию карточки, чтобы зафиксировать отказ.

Никита опустил взгляд. Ася не поняла, что именно задело его: сама формулировка или спокойствие, с которым Марина помнила чужую настойчивость.

— Почему вы не рассказали об этом раньше? — спросил он.

Марина закрыла блокнот.

— Потому что тогда думала, что речь о споре между родственниками. А ещё потому, что в первый раз он просил меня не записывать его приход в журнал посетителей. Сказал, не хочет втягивать архив. Я согласилась. Это была моя ошибка.

— Нет, — произнесла Ася. — Это было ваше решение. Если вы считаете его ошибкой, можно так и сказать. Но мы не станем делать вид, что вас заставили.

Марина посмотрела на неё, потом кивнула.

— Я согласилась, потому что он говорил уверенно. И потому что знала его давно. Теперь мне придётся объяснить, почему я не внесла запись.

— Объяснить, что просьба была, а вы её приняли, — сказала Ася. — Это неприятно, но не равно соучастию.

— Вы так уверенно различаете эти вещи.

— Потому что иначе любой человек, однажды уступивший чужой просьбе, перестаёт иметь право говорить правду.

Тишина длилась несколько секунд. Потом Марина поднялась.

— Пойдёмте в канцелярию. Сегодня там дежурит Климов. Я не хочу оставлять запрос до утра.

Они прошли по коридору, где пахло мокрой шерстью, пылью и нагретым пластиком. В кабинете дежурного горела настольная лампа. Климов, архивный служащий с серебряной цепочкой часов, выслушал Марину и сперва потянулся за бланком.

— Копию какого документа вы запрашиваете?

— Запись о передаче письма, если она есть, и сведения о приложениях к запросам Глеба Андреевича от пятого и двенадцатого октября, — сказала она. — По описи и входящим номерам.

Климов перестал писать.

— Вы уверены, что это не внутренние материалы?

— Я прошу проверить доступность. Не выдать мне всё без разбора.

Ася заметила, что Никита держит руки вдоль тела. Он не вмешивался, хотя Климов дважды посмотрел на него, словно ожидал, что именно он назовёт фамилию деда и потребует особого порядка.

— Срок проверки — три рабочих дня, — сказал Климов. — Если документы есть, вам сообщат, какие можно копировать.

Марина подписала заявление. Климов поставил дату и протянул ей отрывной талон.

— Ещё один вопрос, — сказала она. — В журнале посещений за октябрь есть пропуск между шестым и двенадцатым числом. Я хочу подать отдельное сообщение об устной просьбе, которую тогда приняла.

— Для этого вам лучше обратиться к заведующей архивом.

— Завтра и обращусь.

Она убрала талон в блокнот. В коридоре Никита наконец

заговорил:

— Спасибо.

— Я сделала то, что считаю нужным, — ответила Марина. — Не для вас.

— Я понимаю.

— Надеюсь.

У выхода Ася задержалась у стенда с расписанием. На листе, приколотом под стеклом, было указано время приёма заведующей и номер кабинета. Марина переписала адрес в блокнот. Её решение стало не только запросом: она собиралась сама рассказать о пропуске в журнале, не перекладывая ответственность на архив или на семью Северина.

Никита ждал у двери, не торопя её.

— Ты слышал, как она сказала про представителя? — спросила Ася, когда Марина отошла на несколько шагов.

— Слышал.

— Если это семейная формула, кто-то мог попытаться использовать её как разрешение за всех.

— Или как подтверждение, что остальные уже согласились.

— Это не одно и то же.

— Нет.

Он произнёс это без попытки защищать Глеба Андреевича. Ася заметила, что ему трудно даже произнести фамилию деда рядом со словом «попытался». Но трудность не давала ответа, а ответ нельзя было выдать авансом.

У дверей архива Марина остановилась и обернулась.

— Завтра я отнесу сообщение заведующей. А когда придёт ответ по запросу, позвоню вам обоим. Не отдельно каждому.

— Хорошо, — сказала Ася.

На улице уже стемнело. Ветер тянул по тротуару жёлтые листья, прилипавшие к мокрому камню. Никита застегнул пальто, но не предложил проводить Асю; она не предложила идти вместе.

— Теперь у нас есть точные даты двух обращений, — сказала она. — И признание о пропуске в журнале.

— А ещё есть её просьба не делать из неё удобное доказательство.

— Это и будем помнить.

Они разошлись у перекрёстка. Ася успела сделать несколько шагов, когда телефон завибрировал. Сообщение пришло от Марина Павловны: «Вспомнила: в первый раз Глеб Андреевич принёс не письмо. Обычную деревянную линейку. Просил приложить к папке, чтобы не потерять листы. Я вернула её ему после разговора».

Ася перечитала строку. Линейка была слишком обычной, чтобы запомниться, и слишком конкретной, чтобы отмахнуться от неё теперь. Она переслала сообщение Никите, добавив: «Не вывод. Только новая деталь».

Ответ он прислал почти сразу: «Понял. Проверим по датам и описи».

Ася убрала телефон в карман. На этот раз у них появился не ответ, а предмет, который можно было искать в учёте, и свидетельница, готовая отвечать за собственную часть истории.

На следующее утро Ася пришла в архив раньше назначенного времени. В читальном зале пахло мокрой шерстью и бумагой, которую слишком долго держали в закрытых шкафах. На столе перед ней лежали копии двух листов из журнала посещений: Марина Павловна прислала их вечером, после того как заведующая разрешила сделать выписки. На одном значилась дата первого визита Глеба Андреевича Северина. На другом — дата, когда он забирал коробку.

Никита вошёл через несколько минут. Он принёс папку, но положил её на соседний стул, не раскрывая.

— Марина Павловна сегодня придёт? — спросила Ася.

— Написала, что после встречи с заведующей. Не уверена, пустят ли её обратно в хранилище.

— Она не должна ничего искать без разрешения.

— Я знаю.

Никита произнёс это быстро, и Ася заметила, как он сжал край папки. Словно ему нужно было напомнить себе, что знание правила не отменяет желания нарушить его.

Она придвинула к нему копию журнала.

— Первый зарегистрированный визит — двенадцатое ноября. Октябрьский приход Марина Павловна в журнал не внесла. В графе «цель» записано: «уточнение порядка пе-

редачи семейных бумаг». Следующая запись — двадцать восьмое. «Получение коробки по заявлению». Между ними шестнадцать дней.

— А линейка?

— Если она была при первом визите, её не обязаны были учитывать как архивный предмет. Но можно проверить описи коробок и расходные записи за тот период. Может, где-то отмечали принадлежности к делу.

Никита достал из папки лист, исписанный его рукой.

— Я нашёл независимое свидетельство. Не официальный протокол, но человек готов говорить.

— Кто?

— Илья Карпов. Он работал в конторе, которая обслуживала архивные помещения. Менял замки, проверял проводку. В тот год его приглашали в читальный зал после протечки.

— Он видел Глеба Андреевича?

— Говорит, видел линейку.

Ася откинулась на спинку стула.

— Только линейку?

— И папку. Длинную, тёмно-зелёную. Он запомнил, потому что Глеб Андреевич просил подержать дверь, а папка застряла в проходе.

— Почему Карпов решил рассказать об этом сейчас?

— Я не просил его вспоминать содержимое. Спросил, сохранились ли у него записи о ремонтах. Он сам вспомнил,

что в тот день был в архиве, и спросил, не ищу ли я старые бумаги деда.

— Ты рассказал ему о расследовании?

— Сказал только, что пытаюсь установить, что дед передавал и забирал. Он предложил встретиться.

Ася помолчала. Слово «независимое» не означало «достаточное». Человек мог видеть предмет, но не знать, кому он принадлежал и что лежало рядом.

— Давай без подсказок, — сказала она. — Пусть сначала сам расскажет, что помнит. И спросим, откуда у него эта память.

Никита кивнул.

— Я понимаю.

— Нет, Никита. Ты согласен. Это не одно и то же.

Он встретил её взгляд и не стал спорить.

Карпов ждал их в небольшом кафе неподалёку от архива. Он оказался невысоким мужчиной с седыми усами и привычкой оглядываться на дверь всякий раз, когда она открывалась. Перед ним остывал чай. Когда Ася представилась, он посмотрел сначала на неё, потом на Никиту.

— Вы по поводу Северина-старшего?

— По поводу того, что вы помните, — сказала Ася. — Нам важно не подменять вашу память нашими предположениями.

Карпов провёл пальцем по краю чашки.

— Вот это правильно. А то мне вчера позвонили, начали

спрашивать про письмо. Я никакого письма не видел.

Никита застыл.

— Кто звонил?

— Не знаю. Женщина. Представилась помощницей юриста, фамилию не запомнил. Спросила, не помню ли я, что Глеб Андреевич приходил с письмом. Я ответил, что не помню. Она сказала, что это важно для семейного соглашения.

Ася раскрыла блокнот.

— Когда был звонок?

— Вчера после обеда. На городской номер. Я спросил, откуда у неё мой телефон, она положила трубку.

— Вы сохранили номер?

Карпов достал старый кнопочный телефон и показал журнал вызовов. Ася переписала номер, не комментируя его. Звонок не доказывал, что кто-то пытался воздействовать на свидетеля, но сам по себе менял их положение: теперь у них была зафиксированная попытка заранее подвести рассказ Карпова к нужной версии.

— Вы готовы описать, что видели, письменно? — спросила она.

— Если бумага будет точной. Я не хочу, чтобы потом оказалось, будто я подтвердил то, чего не видел.

— Мы запишем отдельно: что вы видели и что помните со слов других.

— Со слов других я ничего подтверждать не буду.

Ася кивнула и записала его слова почти дословно.

Карпов вспомнил, что приехал в архив в середине ноября из-за протечки у окна. В читальном зале работали двое: мужчина за столом и сотрудница, которую он знал в лицо. Мужчина попросил придержать дверь, когда Карпов выносил ящик с инструментами. На столе лежала папка, а рядом — деревянная линейка, светлая, с тёмным пятном у края. Карпов помог убрать папку с прохода, потому что та соскользнула со стула. Удержал её снизу, но внутрь не заглядывал. Глеб Андреевич поблагодарил его и сказал, что «бумаги надо держать ровно, иначе потом не разберёшь, где чьё».

— Вы уверены, что это был ноябрь? — уточнила Ася.

— На следующий день я оформлял наряд на замену уплотнителя. Дата стоит в журнале. Я его дома держу, рабочие тетради все сохранил.

— А число?

— Двенадцатое. Там ещё мастер опоздал, потому что автобус встал у моста.

Никита опустил глаза на стол.

— Вы помните, чтобы Глеб Андреевич забирал из архива коробку?

— Нет. Я туда приезжал только по работе. В тот день коробки не было. А если и была, я не обязан был замечать.

Ася внесла это в блокнот и попросила Карпова проверить дату по своей тетради. Он обещал прислать фотографию записи после встречи, но отказался подписывать заявление прямо в кафе: хотел сначала прочитать текст и убе-

диться, что там нет слов о письме или приложении.

Когда он ушёл, Никита долго не двигался.

— Значит, линейка действительно была, — сказал он наконец.

— Да. И рядом была папка. Это подтверждает Марину Павловну, но не подтверждает, что в папке находилось.

— И кто-то уже знал, что мы ищем письмо.

— Или пытался направить свидетеля к такой версии.

Ася посмотрела на номер в блокноте. Неизвестный звонящий мог быть случайным посредником, мог действовать по чьей-то просьбе, мог знать о семейном деле больше, чем они. Ни один из вариантов пока нельзя было записать как факт.

Телефон Никиты завибрировал. Он прочитал сообщение и протянул ей экран. Марина Павловна сообщала, что заведующая приняла её письменное объяснение о пропуске в журнале и назначила беседу на следующую неделю. В конце стояла отдельная фраза: «Сегодня я не буду обсуждать с кем-либо содержание нашего разговора».

— Хорошо, — сказала Ася. — Она сама определила, что готова подтвердить.

— А Карпов подтвердит, что дед был там с линейкой и папкой.

— Если сверит дату и согласится с текстом. Пока у нас только его рассказ и запись о звонке.

Никита убрал телефон.

— Я хотел, чтобы это оказалось чем-то простым. Что дед

взял коробку по правилам, положил в неё всё, что принёс, и больше ничего не сделал.

— Желание не является свидетельством.

— Знаю.

На этот раз он не спорил и не просил её смягчить слова. Но папку, которую принёс, так и не открыл. Ася поняла, что внутри могли быть записи его семьи, объяснение старой договорной формулы или очередная версия, собранная по обрывкам. Она не стала спрашивать. Если Никита хотел показать бумаги, решение должно было остаться за ним.

У выхода из кафе он всё-таки остановился.

— Я не буду звонить Карпову второй раз без тебя.

— Это его решение, с кем говорить. Но сначала дождёмся его тетради.

— Хорошо.

Они вышли на улицу порознь: Никита направился к остановке, Ася — обратно в архив. У неё появились два новых факта и один риск, который нельзя было спрятать за семейной историей: кто-то пытался заранее вложить в память очевидца чужие слова. Иарасследованию требовалась теперь не только проверка старых записей, но и защита права свидетеля рассказывать лишь то, что он действительно видел.

В архиве было холоднее, чем на улице. Батарея под окном постукивала, но тепла от неё не прибавлялось; на стекле проступили мутные полосы, и Ася, сняв перчатки, пододвинула к себе лампу.

Она успела просмотреть две описи, когда телефон коротко звякнул. Карпов прислал фотографию страницы из своей тетради и следом — сообщение: «Дата совпадает. Текст прочитал. Подтверждаю только то, что записал тогда. Остальное не добавляйте».

Ася увеличила снимок. Почерк у Карпова был мелкий, прижатый к линейке. Дата совпадала с днём, указанным в журнале пропусков. Ниже стояло: «Северин-старший. Линейка, папка. Коробки не заметил». Последняя фраза была подчеркнута, будто Карпов сам хотел удержать её от неверного прочтения.

Она переслала снимок Никите с коротким: «Запись сверена. Не расширяем».

Он ответил почти сразу: «Да. Я заеду в архив после семи. Хочу сам увидеть».

Ася написала, что оригинал останется у Карпова, и положила телефон экраном вниз. Независимое свидетельство теперь существовало не только в пересказе: человек сделал запись в день события и сохранил её. Но коробка по-прежнему оставалась за пределами его взгляда. Всё остальное было тем, что хотелось бы в этот взгляд вложить.

За стеной хлопнула дверца шкафа. Ася поднялась, чтобы отнести в соседнюю комнату папку с копиями, и заметила на столе у дежурной сотрудницы знакомый серый конверт. Тонкий, без адреса. Его принесли, пока она разбирала описи.

— Вам, кажется, — сказала дежурная. — Мужчина оста-

вил и не стал ждать. Я попросила расписаться, но он отказался.

— Вы его знаете?

— Нет. Молодой, в тёмной шапке. Сказал, что это для Лесиной. Я не открывала.

Ася не потянулась к конверту сразу. Сначала попросила дежурную записать время и то, как она описала посетителя, а затем сфотографировала конверт на столе. Имя на нём было выведено печатными буквами. Никаких угроз, никаких объяснений.

Внутри лежал сложенный вчетверо лист. Ася развернула его за края.

«Не втягивайте Марфу. Она уже сделала достаточно. Письмо лучше отдать семье, пока его не заставили прочесть вслух».

Она перечитала записку. Бумага была обычная, из офисной пачки; на сгибе осталась серая полоса, будто лист носили в кармане. Подписи не было.

Никита позвонил, едва она успела убрать лист в прозрачный файл.

— Карпов прислал?

— Да. И ещё кое-что. Кто-то оставил записку на моё имя. Я сейчас в архиве.

— Что там?

Ася прочитала ему текст. На другом конце стало тихо. Потом Никита выдохнул:

— Марфа рассказывала о письме только нам.

— И не передала его. Это тоже важно. Пока неизвестно, кто знает о её ящике и что именно видел.

— Я приеду.

— Приезжай. Только не звони ей.

— Не собирался.

Когда Никита вошёл, он снял шапку и задержался у двери, словно проверял, не последовал ли за ним кто-нибудь по лестнице. Ася показала ему снимок страницы Карпова и конверт с запиской. Он прочёл всё молча, задержав взгляд на фразе о семье.

— «Пока его не заставили прочесть вслух», — произнёс он. — Это не просто просьба оставить Марфу в покое.

— Может быть предупреждением. Может быть попыткой напугать её через нас. Может быть попыткой заставить нас передать письмо тебе.

— Ты думаешь, письмо у неё?

— Я думаю, что она сказала: оно осталось у неё. Это последнее, что мы знаем. Дальше начинается догадка.

Никита опустил лист на стол.

— Мой дед мог знать, где письмо.

— Мог. Но записка не доказывает, что он его брал, видел или оставил её.

— Я понимаю.

Он сказал это без привычной поспешности. Ася заметила, что он опять принёс папку, но теперь держит её обеими

руками, не пряча за собой.

— Я хотел показать тебе одну вещь, — сказал он. — Не чтобы доказать, что дед ни при чём. Я не знаю, что докажет эта бумага. Но она может объяснить, почему в нашей семье считали, что согласие можно заменить.

Он вынул из папки сложенный лист в прозрачном чехле. Бумага была потемневшей по краям, а внизу стояли две печати: одна размытая, другая почти целая. Между ними виднелась приписка, сделанная чернилами другого оттенка. Ася не стала брать лист без перчаток.

— Откуда он у тебя?

— Из семейных бумаг. Я нашёл его после того, как мы начали искать приложение. Дома. Он всё это время лежал в папке с квитанциями.

— Ты читал?

— Да. Не до конца понял. И не хотел показывать тебе до тех пор, пока не буду уверен, что там нет ничего, что тебя втянет без твоего согласия.

— Решать, что меня втягивает, буду я.

— Знаю. Поэтому принёс.

Ася надела перчатки и осторожно повернула лист к лампе. Это была копия старого соглашения, не само приложение. В коротком абзаце упоминалась «согласная сторона» и обязанность «сохранить общий покой». Ниже кто-то вписал от руки: «При отсутствии ответа считать молчание подтверждением». На полях стоял знак, похожий на отметку из жур-

нала пропусков, но сравнивать было пока не с чем.

— Вот правило, которого не было, — сказал Никита. — В нашей семье его передавали как часть договора. Если человек не возражал, значит, согласился.

— На этой копии приписка сделана позже основного текста.

— По цвету чернил?

— По оттенку и нажиму. Это не экспертиза. Но даже без неё формулировка не похожа на первоначальный договор: её вписали в свободное место. И мы не знаем, кто.

Никита посмотрел на печати. Его пальцы легли на край стола, побелели, но он не отвёл листа.

— Если дед видел это, значит, он мог считать, что молчание Марфы или кого-то ещё было разрешением.

— Мог считать. Это объяснение, не оправдание.

— Я не прошу оправдать его.

— Хорошо. Тогда не будем делать вид, что эта бумага говорит больше, чем говорит.

Ася достала блокнот и записала происхождение листа со слов Никиты, дату, когда он, по его словам, нашёл копию, и точное описание приписки. Никита подписал каждую строку. Затем сам предложил оставить лист в архиве на временное хранение до консультации специалиста, но Ася остановила его: архив не мог принять семейную бумагу без установленного основания и согласия владельца.

— Пока она останется у тебя, — сказала она. — Завтра

договоримся о независимом осмотре. Никаких исправлений, никаких попыток «восстановить» текст.

— Согласен.

— И Марфу не трогаем, пока она сама не решит продолжить разговор. Записка этого не меняет.

Никита кивнул.

Они вышли из архива вместе. У подъезда он не предложил проводить Асю и не стал просить показать записку ещё раз. Только сказал, что утром проверит, кто из родственников имел доступ к папке с квитанциями. Она ответила, что это разумная проверка, если он запишет, кого спросил и что именно услышал.

Перед расставанием он задержался.

— Я всё ещё надеюсь, что дед не знал, что делает.

— Надежда — твоё дело. Для расследования у нас теперь есть дата, свидетельская запись, чужая попытка повлиять на Марфу и семейная копия с поздней припиской. Ни одно из этого не решает вопрос за нас.

— Но вместе меняет вопрос.

— Да. Теперь мы знаем, что в семье Северина молчание могли считать согласием. Не знаем, кто придумал это правило и применял ли его тогда, в архиве.

Никита убрал папку под пальто. На улице свет фонарей ложился на мокрый снег неровными кругами. Ася проводила его взглядом до поворота, а потом достала телефон и сохранила снимок записки отдельно от фотографии Карповой тет-

ради: угрозу, свидетельство и семейную бумагу нельзя было складывать в одно доказательство только потому, что они указывали в одну сторону.

Глава 3. Цена первой ошибки

На следующий день Ася пришла в архив раньше, чем открылась читальная комната. В коридоре пахло мокрыми пальто и разогретой пылью; за дверью кабинета заведующей кто-то передвигал стулья, не торопясь начинать рабочий день.

Никита ждал у окна. В руках у него была тонкая папка, которую он не выпускал из пальцев.

— Нашёл квитанции, — сказал он вместо приветствия. — Не все. Но одна сохранилась.

— Что в ней?

— Пока не знаю. Не стал открывать без тебя.

Он протянул папку. Ася приняла её, но не раскрыла сразу.

— Ты сам её нашёл?

— Мать показала, где дед хранил бумаги. Я попросил разрешения взять копию. Оригинал остался у неё.

Она кивнула. Это было важно, но не доказывало ничего, кроме того, что Никита не принёс ей документ, добытый тайком. Он будто понял, о чём она думает.

— Я записал дату и обстоятельства. Могу переслать.

— Потом. Сначала посмотрим, что именно там написано.

В читальной комнате им отвели стол у стены. Архивистка принесла из хранилища заказанные Асе журналы учёта и

папку с копиями старых актов. Она проверила номера на корешках, попросила не вынимать листы из прозрачных карманов и ушла, оставив рядом карандаши и бланк для выписок.

Ася раскрыла папку Никиты. Копия квитанции была сложена вчетверо; на ней отчётливо виднелись изображение истёртых краёв оригинала, линии его сгибов и чернильные записи. Вверху стояло название семейного архива Северина, ниже — дата выдачи коробки и перечень вложений. На последней строке значилось: «Приложение к соглашению Л-17 — временно изъято для сверки, возвращено в составе комплекта».

Под записью стояла подпись деда Никиты.

Он долго смотрел на неё.

— Значит, он забрал приложение.

— Нет, — сказала Ася. — Здесь написано, что приложение вернули.

— Или отметили, что оно должно было вернуться.

— Это тоже возможно. Но сначала нужно понять, кто составил квитанцию и когда.

Она придвинула лист к себе. На сгибе проходила тонкая полоса штемпельной краски. Дата выдачи была написана одним почерком, последняя строка — другим. Рядом с ней стояла круглая печать, а под печатью — короткая приписка: «Сверено по описи».

Никита отвернулся к окну. Там, за стеклом, серое утро

медленно проступало сквозь дождь.

— Я думал, что он унес её, — сказал он. — Не потому что знал. Просто когда увидел его подпись, решил, что всё уже ясно.

— Ты не единственный. Я тоже решила, что семейную приписку о молчании можно связать с тем, как он поступил в архиве.

— А теперь?

— Теперь у нас документ, который говорит, что приложение вернули. Но мы ещё не знаем, вернули ли его на самом деле.

Она открыла журнал выдачи за тот же год. В записи о коробке фамилия деда Никиты была вписана между двумя другими выдачами. В графе «основание» значился номер распоряжения. Ася переписала его на бланк, затем нашла соответствующую карточку в папке актов.

Номер совпадал.

Распоряжение разрешало вынести коробку на сверку семейного комплекта. Внизу имелась подпись тогдашней заведующей архивом, а рядом — подпись хранителя, который принимал коробку обратно. Даты укладывались в один рабочий день. Между ними — чуть больше четырёх часов.

— Вот, — сказала Ася. — Он действительно забирал коробку. И её действительно приняли обратно.

Никита прочитал обе строки.

— Но не приложение.

— Этого здесь нет. Пока мы можем установить только движение коробки.

Он положил ладонь на край стола, словно хотел удержать от сдвига весь лист.

— А надпись про молчание?

Ася перелистнула к копии семейной бумаги, сделанной накануне. Приписка стояла на полях, вне основного текста соглашения. Почерк был похож на почерк в квитанции лишь общим наклоном; сходство легко было принять за родство, если уже ждать его.

Она ещё раз сверила дату по журналу.

— Приписка сделана позднее, — сказала Ася. — По крайней мере, не в тот день, когда выдавали коробку. Бумагу добавили в семейную копию после архивной сверки. Это не старое правило, которое мы можем автоматически приложить к поступку твоего деда.

Никита не сразу ответил.

— Значит, мы связали две вещи только потому, что они неприятно совпадали.

— Да. Первая версия не выдержала проверки.

Он тихо усмехнулся, без веселья.

— Я хотел, чтобы подпись всё объяснила. Даже если объяснение было таким, что мне от него становилось хуже.

— Это не делает вывод точнее.

— Нет. Но делает его удобнее.

Ася посмотрела на квитанцию. Последняя строка выгля-

дела уверенно, почти буднично. В ней не было ни сомнения, ни угрозы, ни семейного подтекста. Только отметка о возвращении. И всё же именно она отнимала у них простое объяснение: дед Никиты мог не унести приложение, а значит, исчезновение бумаги следовало искать в другом отрезке времени.

— Нам нужна исходная опись, — сказала Ася. — И подпись человека, который принял коробку. Если он сверял комплект по листам, там должно быть указано, что именно вернулось.

— Я могу поискать его родственников. Если он жив.

— Сначала запросим архивный список сотрудников. Не надо идти к людям с готовым обвинением.

Никита кивнул. Он не спорил и не просил её сделать исключение для его семьи.

Архивистка вернулась за журналами, и Ася попросила оформить выписку из записи о выдаче и приёме коробки. Женщина сверила номера, отметила страницы и поставила подпись. Квитанцию Никита убрал обратно в папку, бережно расправив сгибы, но его пальцы дрожали.

У выхода он остановился.

— Дед не виноват только потому, что запись говорит о возврате, — произнёс он. — Но и виноватым я его больше не назову.

— Пока мы не знаем, что произошло с приложением.

— Знаю. Я говорю о том, что должен делать сейчас.

Ася застегнула пальто. Под окнами архива фонарь ещё горел, хотя утренний свет уже вытеснил его тусклый круг с мокрого тротуара.

— Тогда запиши это так же точно, как записал, где нашёл квитанцию.

— Запишу.

Они вышли на улицу разными шагами, но в одну сторону. Теперь их расследование подтверждало не кражу, а возвращение коробки; и чем яснее становилась эта запись, тем труднее было объяснить исчезновение приложения — и тем осторожнее им предстояло обращаться с памятью людей, которые уже заплатили за чужие выводы.

На перекрёстке Никита остановился, пропуская трамвай. В его окнах мелькали пассажиры, каждый занят своим: кто-то держал на коленях сумку, кто-то читал с телефона, кто-то смотрел на улицу так, словно ехал по ней в последний раз.

— Архивный список сотрудников, — сказал он, когда трамвай ушёл. — Если там будет имя принявшего коробку, я попробую найти его адрес.

— Сначала запросим список, — напомнила Ася. — Потом решим, есть ли смысл искать человека. Не наоборот.

— Я услышал.

В его ответе не было прежней готовности немедленно действовать. Это было хорошо. И всё же Ася видела, как он сжимает папку под локтем, словно та могла выскользнуть и снова превратиться в улику против его семьи.

До остановки они дошли молча. На стекле павильона кто-то оставил мокрый след ладони. Ася провела пальцем по краю телефона, но не стала писать Марфе. Их разговор был окончен, и ещё один вопрос сейчас превратил бы осторожность в настойчивость.

— Мне нужно вернуться к работе, — сказала она. — Выписку я сохраню отдельно. Вечером сверим, что запросить дальше.

— Хорошо.

Никита не спросил, можно ли ему проводить её. Они разошлись у остановки: он сел в трамвай, а Ася пошла к конторе пешком. Через квартал она достала блокнот и записала выводы, пока формулировки не расплылись: коробка возвращена; приложение не указано; дата приписки в семейной копии поздняя; вина деда не подтверждена; участок пропажи сузился, но не определён.

Последняя строка раздражала. Уточнить границы незнания было полезно, но от этого незнание не становилось меньше.

В конторе её ждала стопка договоров на продление аренды и записка от секретаря: «Срочно, собственник по помещению на Полярной». Ася сняла пальто, повесила его на спинку стула и занялась бумагами. Почти час она сверяла номера пунктов, звонила арендатору и исправляла формулировку о ремонте. Когда наконец подняла глаза, за окном уже снова темнело.

Телефон коротко завибрировал.

«Архивистка позвонила. Нашла опись приёма, но просит прийти лично: лист не сканируют, он вшит в ведомость. Успеешь до закрытия?»

Ася посмотрела на часы. До закрытия оставалось двадцать минут. Она быстро собрала блокнот, надела пальто и написала: «Буду через десять. Ничего не проси до моего прихода».

Ответа не последовало, но Никита уже знал её правило.

В читальном зале за их столом ждала архивистка. Перед ней лежала раскрытая ведомость в защитной подставке. Рядом стоял стакан воды; женщина явно не собиралась задерживаться.

— Я нашла запись о приёме, — сказала она. — Но хочу сразу предупредить: это не постраничная опись приложения. Тут указано число листов и состояние упаковки.

— Нам подходит, — сказала Ася. — Если будет понятно, кто отвечал за сверку.

Архивистка повернула ведомость. На строке нужной даты стоял номер коробки. В графе «состав» значилось: «папка договорных материалов, 18 листов, приложение — 1 лист». Ниже, в графе приёма: «Принято без вскрытия, упаковка цела». Под формулировкой стояли инициалы и подпись, а рядом — отметка дежурного хранителя.

Никита наклонился ближе, но не коснулся страницы.

— Значит, при возвращении никто не пересчитывал листы, — сказал он.

— Это значит, что коробку приняли запечатанной, — поправила Ася. — Не больше и не меньше. Мы не знаем, что было внутри в тот момент.

Архивистка кивнула.

— Так и записано в порядке приёма. Проверку проводили только при вскрытии, а вскрытие отмечали отдельно. Если коробка хранилась опечатанной, содержимое на приёме не пересчитывали.

— Можно увидеть запись о вскрытии? — спросила Ася.

— Если она есть в ведомости. Я проверила. Отметки нет.

Никита выпрямился. Его лицо стало неподвижным.

— Тогда дед мог вернуть коробку с приложением, а оно исчезло позже.

— Мог, — сказала Ася. — Или приложение исчезло до запечатывания. Эта запись не устанавливает момент пропажи.

Архивистка перелистнула несколько страниц, остановилась у соседней записи и провела ногтем над строкой, не касаясь бумаги.

— Вот ещё деталь. Упаковку принимали по номеру печати. Здесь номер совпадает с записью о выдаче.

Ася сверила цифры сама. Последняя пара была написана неразборчиво, но совпадала и по наклону чернил, и по положению в клетке. Она попросила разрешения сделать выписку. Архивистка отказала в фотографии ведомости, зато согласилась заверить копию строки и пояснение о порядке приёма.

Пока принтер прогревался в служебной комнате, Никита тихо спросил:

— Ты думаешь, он мог не знать, что листа нет?

— Да. Но это не доказано.

— Я понимаю.

Он сказал это без попытки убедить её. Ася видела, что сам он уже примерил к записи новую версию: дед вернул коробку целой, а пропажу обнаружили позднее. Версия была мягче, но пока держалась на пустом месте между двумя отметками.

— Не делай из печати свидетельство о содержимом, — сказала она. — Она подтверждает, что вернули ту же упаковку. Не то, что внутри были все листы.

— Я не буду говорить, что подтверждает больше.

— И не говори семье, что это снимает вопрос.

— Не скажу.

Архивистка вернулась с листом. На копии стояла подпись, печать архива и дата выдачи. Ася прочла её дважды, сверила номер записи с ведомостью и убрала документ в отдельный файл.

На улице Никита задержался под козырьком. Шёл мелкий снег, сразу темневший на мокрой ткани пальто.

— Я собирался сегодня позвонить тёте, — сказал он. — Спросить, не помнит ли она, когда дед последний раз открывал коробку. Теперь лучше не звонить.

— Почему?

— Потому что я уже знаю, какой ответ хочу услышать.

Она это заметит, а потом будет вспоминать не то, что помнит, а то, что я от неё жду.

Ася убрала выписку во внутренний карман.

— Это честный вывод.

— Не очень удобный.

— Удобство тут ни при чём.

Никита посмотрел на дорогу. Из-за поворота показались фары автобуса.

— Значит, дальше ищем запись о вскрытии или человека, который мог его провести.

— Да. И сначала устанавливаем, когда коробку открывали. Если такую запись вообще вели.

— А если не вели?

— Тогда придётся искать другие независимые следы. Но семейные воспоминания не станут точнее оттого, что нам нужно закрыть пробел.

Автобус остановился. Никита взялся за поручень, потом обернулся к ней.

— Спасибо, что приехала.

— Я приехала за документом.

Он кивнул, принимая поправку, и поднялся в салон. Ася осталась под козырьком, пока двери не закрылись. Теперь было документально подтверждено: дед вернул архиву запечатанную коробку с прежним номером печати. Это не оправдывало его и не обвиняло. Зато впервые показало, почему их прежний вопрос был поставлен неверно: искать следова-

ло не только того, кто вынес приложение, но и того, кто мог открыть коробку после возвращения.

Ася не поехала домой сразу. На остановке она открыла заметки и добавила к списку вопросов новый: «Кто мог открыть коробку после возвращения?»

Потом ниже: «Где фиксировали вскрытие?»

Автобус Никиты уже скрылся за поворотом. Она написала ему, что собирается вернуться в архив и попросить журнал выдачи ключей, если такой сохранился. Ответ пришёл почти сразу:

«Я тоже вернусь. Не хочу искать это отдельно».

Ася перечитала сообщение. В нём не было ни просьбы довериться, ни обещания не ошибиться. Только решение присутствовать при проверке, которая могла оказаться неприятной для него самого.

«Завтра встретимся у входа к открытию. Сначала спросим, есть ли такой журнал».

На следующее утро в архиве их встретила та же сотрудница, что заверяла копию. Она выслушала просьбу, сняла очки и протёрла их краем шарфа.

— Журналы выдачи ключей за тот год не сохранились, — сказала она. — Срок хранения таких ведомостей небольшой. Но есть акты осмотра хранилища и журнал заявок на внутренние работы. Если коробку вскрывали по распоряжению, след мог остаться там.

— А если открывали не по распоряжению? — спросила

Ася.

— Тогда следа может не быть. Я не стану выдавать отсутствие записи за доказательство, что ничего не происходило.

Ася кивнула.

— Нам нужно посмотреть акты и заявки за период между возвращением коробки и обнаружением пропажи приложения.

Архивистка уточнила даты. Попросила подождать, пока проверит доступ к старым папкам, и ушла в служебную комнату. Ася положила на стойку выписку с печатью и записала время обращения. Никита остался чуть в стороне, не заглядывая в её блокнот.

— Ты ведь мог попросить знакомого сотрудника посмотреть это без заявки, — сказала она негромко.

— Мог. Поэтому не попросил.

— Это не делает тебя надёжным автоматически.

— Знаю.

Он не стал спорить. Ася закрыла блокнот, но напряжение не исчезло. После истории с семейной копией она всё ещё ждала, что Никита однажды попросит её принять удобную версию не потому, что верит в неё, а потому, что больше не выдерживает неопределённости. Он тоже, кажется, ждал этого момента и старался не торопить.

Архивистка вернулась с двумя тонкими папками и листом регистрации.

— Вот акт ежемесячного осмотра. А здесь заявки на хо-

зяйственные работы. Смотреть можно на месте, копии — по разрешению руководителя. Я отмечу, какие листы вы запросили.

Они сели за стол. Ася надела перчатки и сверила даты по заверенной выписке. Коробка вернулась в архив в конце марта. Первое упоминание о недостающем приложении появлялось лишь в июне, в акте сверки фонда. Между этими записями лежали акты осмотра, составленные привычно и коротко: температура, влажность, состояние стеллажей, замки без повреждений.

Ни одного вскрытия.

— Замок коробки осматривали? — спросил Никита.

— Не написано, — ответила Ася. — Только замок хранилища. Это разные вещи.

Она перевернула страницу. В конце апреля на полях акта стояла пометка карандашом: «Проверить после ремонта вентиляции». Почерк был чужим, угловатым. В журнале заявок они нашли соответствующую запись: работы в дальнем помещении хранилища, два дня, подрядчик «СеверТепло», допуск оформлен на мастера Игоря Ратникова и сопровождающего архивиста.

Ася переписала номер заявки.

— Вот возможность попасть внутрь, — сказал Никита.

— Возможность. Пока не подтверждение, что открывали коробку.

— Конечно.

Она посмотрела на него. Он держался спокойно, но фамилия Ратников ему явно была знакома.

— Ты знаешь этого человека?

— Нет. Но «СеверТепло» работала в доме, где жил дед. Это может быть совпадением.

— Тогда проверим по документам.

Они попросили регистрационную карточку подрядчика и основание допуска. Архивистка принесла их не сразу: сначала сверила запрос с заведующей, затем вернулась с копией договора и листом допуска. В договоре значился ремонт вентиляционной решётки, не хранилища. Однако в заявке на внутренние работы было указано, что мастеру требовался доступ именно в дальнее помещение, где стоял стеллаж с коробкой.

Ася сопоставила даты. Работы начались через три недели после возвращения коробки. Второй день пришёлся накануне майского осмотра.

— Значит, мастер мог оказаться рядом с ней, — сказал Никита. — И дед мог знать его по дому.

— Мог. Это ещё не означает, что он его привёл или просил что-то сделать.

Ася подала ему лист допуска. В графе сопровождающего стояла подпись архивиста — Елены Михайловны, той самой сотрудницы, что сидела напротив них. Она принесла документы и теперь смотрела на них через стол.

— Вы сопровождали подрядчика? — спросила Ася.

Архивистка не отвела глаз.

— Да. Он менял решётку. Коробки не трогал.

— Вы помните именно эту работу?

— Помню мастера. Он опоздал, у него был инструментальный ящик с красной защёлкой. Работал быстро. Я находилась рядом всё время, кроме нескольких минут, когда ходила за ключом от щита.

— Это было до или после того, как вы обнаружили пропажу?

— До. Пропажу нашли позже.

— Вы видели, чтобы он открывал коробку?

— Нет.

— А чтобы кто-то другой открывал?

Елена Михайловна сложила руки на столе.

— Нет. Но я не могу уверенно сказать, что видела каждую минуту его работы. Я отходила. И в тот день в хранилище заходили сотрудники. Там не было отдельного поста охраны.

Это не было признанием. Но и прежнее удобное объяснение, будто после возвращения коробку никто не мог открыть без следа, теперь рассыпалось: подрядчик действительно получил доступ в помещение, а сопровождение не означало непрерывного наблюдения.

— Почему в акте осмотра нет отметки о коробке? — спросила Ася.

— Потому что мы проверяли помещение и замок двери. Не содержимое каждой упаковки. Тогда это считалось доста-

точным.

— А журнал вскрытия коробок вели?

Елена Михайловна помедлила.

— Для некоторых фондов. Для этой коробки отдельного журнала не было. Считалось, что печать покажет вмешательство.

Никита опустил взгляд на заверенную выписку. Печать подтверждала, что упаковка вернулась с прежним номером. Но она не говорила, когда и кем её вскрыли потом — и не была щитом от аккуратных рук.

Ася попросила разрешение снять копии договора, заявки и листа допуска. Архивистка оформила запрос, предупредив, что выдача займёт несколько дней.

У выхода Никита остановился.

— Я хочу позвонить тёте и спросить, не работал ли Ратников в доме у деда.

— Не сегодня, — сказала Ася. — Мы ещё не знаем, тот ли это человек. Сначала сверим имя, адрес подрядчика и даты. Потом ты решишь, стоит ли спрашивать её и как сформулировать вопрос.

Он принял это не сразу. На секунду его лицо стало жёстким, словно она не удерживала проверку в рамках, а отодвигала от него единственный шанс получить ответ. Затем он выдохнул.

— Ладно. Я не позвоню.

— Это не запрет. Если будешь спрашивать, запиши потом

её слова, включая то, чего она не помнит.

— Понимаю.

На крыльце Никита достал телефон, но не набрал номер. Он посмотрел на экран и убрал его обратно в карман.

— Если дед и правда знал мастера, это будет плохо выглядеть.

— Да.

— Ты даже не попробуешь смягчить?

— Нет. Но «плохо выглядит» не равно «доказано».

Он кивнул. В его молчании не было прежней надежды, что печать может закрыть вопрос. Оставалась более тяжёлая возможность: коробка вернулась целой, а потом кто-то получил доступ к хранилищу. Человек, связанный с ремонтом, пока существовал только в заявке и воспоминании архивистки; связь с семьёй Никиты — пока только в его догадке.

Ася внесла в заметки три отдельные строки: допуск подрядчика подтверждён документом; вскрытие коробки не зафиксировано; присутствие мастера не наблюдали непрерывно. Затем отправила Никите копию номера заявки.

У остановки он снова достал телефон.

— Я подожду, пока мы сверим адрес, — сказал он. — Не хочу заставлять тётю угадывать, что мне нужно.

— Хорошо.

Автобус подошёл к бордюру. Никита поднялся в салон, не предложив ей готового ответа. Ася осталась на тротуаре с номером заявки в блокноте и пониманием, что первая мяг-

кая версия не выдержала проверки: прежняя печать удостоверяла лишь возвращение коробки, а не сохранность её содержимого после этого.

Автобус увёз Никиту за поворот, а Ася ещё несколько секунд смотрела на пустое место у бордюра. Потом раскрыла блокнот. Номер заявки был записан крупно, рядом — три коротких вывода, не позволявших одному факту притвориться другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.